

ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

ЕЩЕ РАЗ ОБ УРОКАХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ XXI ВЕКА

Владимир МАКАРОВ,
кандидат
педагогических
наук, полковник

Начало XXI века ознаменовалось рядом вооруженных конфликтов, которые существенно меняют традиционные представления о военном искусстве. Из всех войн и конфликтов следует извлекать уроки, делать выводы в интересах обеспечения военной безопасности. В предлагаемой статье речь пойдет о некоторых особенностях вооруженной борьбы последних пяти лет. Особое внимание обращается на два военных конфликта: в Ираке и Южной Осетии. Акцент сделан не случайно. В боевые действия в этих странах оказались вовлечены США и Россия, две крупнейшие военные державы мира.

Пять лет, прошедших после активной фазы войны в Ираке, показали, в какой степени американцами учтены изменения сущности войны и содержания современной вооруженной борьбы. В настоящее время опубликовано немало серьезных аналитических материалов об этой непрекращающейся войне. Любопытными представляются некоторые выводы, сделанные доцентом факультета международной политики МГУ Анатолием Циганком [1].

Результаты войны в Ираке явно неутешительны для американцев, США не выполнили поставленные задачи: не найдено оружие массового поражения, не установлен прочный демократический порядок. Пять лет вооруженного конфликта не изменили кардинально ситуацию на Ближнем Востоке, и до конца этой войны очень далеко. Более того, война спровоцировала выступления исламских радикалов против других религиозных конфессий, дала новый толчок гонке современных высокотехнологичных вооружений.

Одновременно война в Ираке подтвердила, что современный мир вступил в период, когда воюет не только коалиционная армия или государство против государства. Сразу после активной фазы войны может наступить (или одновременно вестись) партизанская война. Сегодня война в Ираке и Афганистане обходится каждой американской семье в 138 дол-

ларов, ее общая стоимость составила 645 млрд. долларов. Если ранее, в первый год операции, она обходилась в 4,4 млрд., то в 2008 году ее стоимость достигла 16 млрд. долларов.

Военная кампания в Ираке выявила как сильные стороны американской военной машины, так и ее недостатки.

ВОЙНА – ЭТО ИНТЕЛЛЕКТ

Безусловно, одним из главных преимуществ американской армии в этой войне явилось использование высокоточного оружия, максимальное насыщение войск самыми современными средствами связи, разведки и целеуказания. В тактическом и оперативном звене отказались от карт, поскольку использовали распределенную систему боевого управления FBCB2 (Force XXI Battle Command Brigade or Below). Все командиры боевых подразделений имели мобильные компьютеры в особо прочном блоке марки Tallahassee Technologic Inc (500 МГц / 4 Гбайт / Windows 95/NT). Все эти элементы были объединены в разведывательно-ударные и разведывательно-огневые комплексы.

Важнейшее достижение американцев – это широкая интеграция на поле боя средств поражения с разведывательными системами. Американский общевойсковой командир уже в звене «рота – батальон» в реальном масштабе времени

получает обработанную современными вычислительными системами информацию, позволяющую ему с высокой степенью достоверности оценить обстановку на поле боя и примыкающей к ней местности. Эту информацию поставляют от десятка и более различных систем и средств, которые ведут непрерывный мониторинг боевой обстановки в воздухе и на земле.

Провозглашенная в начале 80-х годов прошлого века концепция «борьбы со вторыми эшелонами» привела сегодня к тому, что американские сухопутные части могут уверенно контролировать обстановку в полосе своего движения на глубину 50–80 км в условиях иракской пустыни (на 25–30 км в условиях европейского театра военных действий). Еще одной, без сомнения, сильной стороной американской армии является высокий уровень взаимодействия различных родов войск на поле боя. И особенно взаимодействие с авиацией. Этого удалось достичь благодаря внедрению в войска самых современных средств связи и целеуказания, интегрирования бортовых прицельно-навигационных комплексов ударных самолетов и наземных комплексов управления огнем.

Индивидуальная экипировка американского солдата в основном отвечает современным стандартам и позволяет ему уверенно действовать в любое время суток: почти каждый из состава ударных подразделений имел в качестве личной экипировки прибор ночного видения, ночной прицел и портативное переговорное устройство.

Безусловно, сильной стороной американской армии является и то, что ее части и подразделения уверенно ведут боевые действия в темное время суток. Высокую эффективность продемонстрировали беспилотные летательные аппараты, на которых сегодня лежит большая часть оптической и радиолокационной разведки. Также высокой оценки заслуживает организация защищенной радиосвязи в звене «рота – батальон», навигационное обеспечение. Сейчас в США начата целая

серия программ создания новых боевых беспилотных летательных аппаратов различных классов – от небольших модулей взводного звена до стратегических беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), способных нести несколько тонн боеприпасов. Активно ведутся разработки по программе единого беспилотного ударного аппарата (J-UCAS).

Иными словами, современная вооруженная борьба – это широкое применение высокоинтеллектуальных технологий.

МЯТЕЖЕВОЙНА В ДЕЙСТВИИ. ПАРТИЗАНЫ НАНОСЯТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Если концепция «быстрой войны» в общем эффективно проявила себя в ходе активной фазы войны (март – апрель 2003 года), то начавшаяся в стране затяжная партизанская война продемонстрировала, что армия США оказалась совершенно не готова к ней. Американцы, которые стояли у истоков формирования концепций иррегулярных войн, так и не сделали правильных выводов из особенностей современной партизанской борьбы, или «мятежевойны».

Часто террор называют оружием слабых. Формально это верно, если рассматривать только террористическую деятельность. Вместе с тем, как считают ученые, например американский философ профессор Массачусетского технологического института Ноам Хомский, террор является орудием сильных. В своей книге «Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству» он пишет: «Официальные определения терроризма ничем не отличаются от контртеррористической деятельности. США, конечно, не единственные, кто действует таким образом. Традиционно различные страны называют свои террористические операции «контртеррористическими мерами», даже если речь идет о массовых убийствах. Это, к примеру, было характерно для нацистов. Военные США с интересом относились к нацистской модели: американские доктрины противодействия

МАКАРОВ

Владимир Матвеевич.

Родился в 1955 году. В 1976 году окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище, в 2003-м – Гуманитарную академию Вооруженных Сил РФ.

Проходил службу на различных должностях в политических органах Советской Армии и органах воспитательной работы Вооруженных Сил Беларуси. В 1995–2001 годах возглавлял лабораторию общественного анализа и социологических исследований (научно-исследовательское подразделение Вооруженных Сил, осуществляющее военно-психологические и военно-социологические исследования).

С 2001 года работает в центральном аппарате Министерства обороны Республики Беларусь: с 2003 года – начальник управления информации, с 2005 – первый заместитель начальника главного управления – начальник управления информации идеологической работы Министерства обороны.

Кандидат педагогических наук.

Автор более 30 работ по проблемам противоборства в сфере смыслов, социокультурной деятельности в армии, военной девиантологии.

Сфера научных интересов: военная педагогика, военная политология, теория информационных войн.

экстремистской деятельности вобрали многое из нацистских справочников и практических руководств, которые при поддержке офицеров вермахта штудировались с большим энтузиазмом...». «Логика действий террористов была вполне понятной для американских разведывательных служб. Они оказывали помощь при рекрутировании, обучении и вооружении данных групп с 1980-х годов до совершения ими терактов в США. Расследование правительством Голландии обстоятельств массовых убийств в сербской Сребренице показало, что в то время как радикальные исламисты пытались взорвать здание Всемирного торгового центра, другие террористические группы по каналам ЦРУ были перебросены США из Афганистана в Боснию...» [2, с. 306, 338–339].

Здесь следует подчеркнуть – уже в середине прошлого века военные теоретики предвидели, что новые способы вооруженной борьбы значительно трансформируются и будут представлять собой не что иное, как «мятежевойну». Именно так был определен новый тип войн, в частности, военным теоретиком Е.Э. Месснером. Именно он сформулировал шесть типов иррегулярных действий населения в зоне войны, а в работе «Мятеж – имя третьей всемирной» предсказал будущую форму неклассического противоборства: «Много происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму – мятежевойны – прояснит многое. Тогда мы перестанем называть криминальными происшествиями стратегические действия в рамках мятежевойны (например, перенесение арабскими партизанами террористических ударов на аэродромы

Германии, Швейцарии, Италии...). Надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами мятежевойны...» [3, с. 140].

Нет единой линии фронта, необычайно рассредоточены силы и средства при одновременном охвате огромных территорий. Противника нет, но он везде, он способен проявлять уникальную изощренность в нанесении избирательных ударов по жизненно важным центрам. 11 сентября 2001 года события в Вашингтоне и Нью-Йорке пошли именно по такому сценарию. Подобные и не менее трагичные примеры – серия взрывов в Лондоне, террористический акт в Беслане и другие.

Впервые в истории разрушен так называемый консенсус ненападения, началась совершенно новая эпоха – эпоха асимметричных войн, которая перевернула все привычные представления о войне.

Кстати, как пишет тот же Ноам Хомский, «теракты 11 сентября 2001 года отныне будут служить суровым напоминанием о том, что было известно на протяжении длительного времени: богатые и влиятельные государства более не обладают монопольным правом на использование вооруженной силы». Этот вывод подтверждается и опытом 5-летней иракской войны.

Армия США вообще не была готова к партизанской войне. Неприятным открытием для штатовских военных стало то, что все без исключения образцы американской боевой техники уязвимы для обычных противотанковых средств. Даже танк M1A1 Abrams, который, по замыслу разработчиков, должен был выдерживать попадание большинства современных противотанковых средств, можно повредить обычными реактивными противотанковыми гранатометами РПГ-7 и СПГ-9. Реактивные гранаты с вероятностью 55 % поражают Abrams в борт башни и борт корпуса над катками, с вероятностью 70 % – в крышу башни. За первые два года войны были подбиты 80 танков. Боевые машины разбиты настолько серьезно, что их пришлось

Погрузка башни танка Abrams, подорвавшегося на фугасе. Ирак, 2005 год

морем возвращать назад в США для восстановительного ремонта. В Ирак в течение пяти лет были направлены в общей сложности 1100 танков Abrams, около 70 % из них подверглись ударам в ходе боевых действий и нападений со стороны повстанцев.

Всем известный Hummer продемонстрировал полную незащищенность от фугасов. Боевая живучесть БМП и БТР оказалась еще ниже. В половине случаев попадание реактивной гранаты приводило к выходу бронееобъекта из строя, ранению или гибели части экипажа. Не менее 15 % попаданий вызывали пожар с последующей полной потерей бронееобъекта. Поэтому американцы вынуждены использовать советский боевой опыт, обваривая БТРы и БМП всякого рода решетками-рассекателями и обвешивая башни и борта танков разными «усилениями».

С 2007 года в войска поступают бронированные автомобили, защищающие даже от разрыва мины под днищем. Стоимость каждой такой машины составляет 165 тыс. долларов, а замене подлежат более 18 тыс. армейских машин.

Американское военное командование в Ираке заявило о своей неудовлетворенности результатами боевого использования вертолета огневой поддержки AH-64 Apache и AH-64 D Apache Longbow. Чрезвычайно дорогая машина оказалась слабо защищенной от огня обычного стрелкового оружия. Иракцы быстро овладели методами огневых засад, открывая сосредоточенный огонь из нескольких пулеметов в заднюю полусферу вертолета или под ракурсом три четверти. Концепция «боевого вертолета дальнего действия» в условиях Ирака не оправдалась. Ставка на обнаружение и поражение цели на максимальной дистанции со средних высот в Ираке показала свою неэффективность. Плохая видимость, городские условия, близкое боевое соприкосновение противоборствующих сторон вынудили пилотов Apache работать в диапазоне высот от 100 до 500 м на дальностях, редко превышающих 800–1500 м.

Сразу же после 2003 года в ряде западных исследований появились утверждения о «смерти» советской и европейской военных школ. Эксперты предсказывали, что войны будут вестись только роботизированными системами, а характер вооруженной борьбы приобретет полигонный характер. Появился даже термин – «постгероический этап развития военного дела».

Но последующие 5 лет развеяли миф о подобных войнах и о высокоточном оружии как единственном решающем факторе современной войны, позволяющем добиваться стратегических целей без непосредственного соприкосновения с противником. Разрекламированная американцами неуязвимость космической навигационно-информационной системы (НАВСТАР) подвергнута сомнению. Общие потери коалиционной авиации в Ираке составили в 2003–2007 годах 14 самолетов и 97 вертолетов.

Контрактная армия США оказалась неспособной вести длительные боевые действия. Из частей американской армии, расквартированных в Ираке или перебрасываемых в эту страну, началось массовое дезертирство. Количество дезертиров превысило 9 тыс. человек. Их впервые стало больше, чем после войны во Вьетнаме с 1969 года. Основная форма дезертирства – невозвращение из отпуска или оставление части (на территории США). Во время спецоперации против боевиков-шиитов в городе Басра, которая началась еще 25 марта 2008 года, по данным иракцев, которые передало

Вертолет Apache, подбитый иракскими повстанцами недалеко от города Мосул

агентство Associated Press, с поля боя дезертировали около 1300 американских солдат. Еще около 1200 военнослужащих под теми или иными предложениями отказались от перевода в Ирак.

Признаками тяжелого положения, в котором оказалась американская армия, могут служить данные о сокращении числа добровольцев, стремящихся поступить на армейскую службу по контракту. Также впервые после вьетнамской войны США не выполнили план по комплектованию национальной гвардии и резерва. Правда, записаться в авиацию и Военно-морской флот желающих более чем достаточно, но это, очевидно, потому, что в Ираке пока нет воздушных и морских сражений.

Армия стремительно деградирует. Несмотря на то, что усилено материальное стимулирование (до 20 тыс. долларов), есть негласный приказ руководства не увольнять пьяниц, хотя ранее это делалось немедленно. Более того, пришлось разрешить принимать на службу в армию даже лиц, осужденных за правонарушения.

В 2007 году проблемы с набором стали особенно очевидны. Только 72 % лиц, записавшихся служить в армию, имели полное специальное образование, а максимальный возраст солдат был повышен с 32 до 42 лет.

Как оказалось, ни современная техника, ни щедрое материальное обеспечение сами по себе не гарантируют твердость морального духа – основу ведения успешных боевых действий.

КАВКАЗ-2008: ОПЫТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Важные уроки можно извлечь и из грузино-осетинского конфликта.

Конечно, сравнивать вооруженные силы России и Грузии по классическим критериям (количественным показателям, боевым потенциалам и так далее) было

бы не совсем корректно. Тем не менее грузинская армия представляла собой так называемую профессиональную армию, обученную и оснащенную по натовским стандартам. По укомплектованности средствами связи и спутниковой навигации, приборами ночного видения, компьютерными системами управления в штабах сухопутные части и спецназ Грузии даже превосходили российские войска. Наконец, конкурс на контрактную службу в грузинской армии был выше, чем в российской. Дело в том, что «патриотический» выбор в пользу службы в армии делался по причине того, что соотношение денежного содержания контрактников и среднемесячной заработной платы в Грузии, по некоторым данным, составляло чуть ли не 20 к 1 в пользу контрактников. Все военнослужащие были экипированы по американским стандартам и прошли обучение инструкторами из США опять же по стандартам НАТО.

Но боевые действия на Кавказе показали превосходство российской системы подготовки, не говоря уже о силе боевого духа.

В ряде СМИ появились статьи, которые утверждали, что российские войска действовали якобы по-старому и не использовали способов боевых действий, свойственных «демократическим» странам и их армиям. Достойный ответ на такие утверждения дал президент Академии военных наук М.А. Гареев. Он подчеркнул, что для подобных авторов «образцом считается агрессия США и других натовских стран против Югославии в 1999 году, когда ракетными и бомбовыми ударами по городам были разрушены электростанции, больницы, мосты, другая инфраструктура, что вынудило руководство капитулировать, а сухопутные войска практически не были задействованы. Если следовать такому примеру и воевать сугубо «демократически», то российской армии следовало разбомбить Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Поти, всю инфраструктуру страны и вынудить Грузию капитулировать. Но это не демокра-

тический, а варварский способ ведения войны, который широко применяли гитлеровцы и в какой-то степени продолжили американцы и англичане, разбомбив жилые кварталы Дрездена в 1945 году, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки» [4, с. 8–9].

Правда состоит в том, что в августе 2008 года российская армия без труда сумела придать боевым действиям необходимый ей характер, навязав свою тактику общевойскового боя. Американские тактические наработки, достигнутые в условиях господства в воздухе и подавляющего превосходства в огневых средствах (как, например, в Югославии или в Ираке), продемонстрировали свою абсолютную бесполезность при встрече с достаточно мощной по вооружению группировкой российских войск [5, с. 5].

Разумеется, высокоинтеллектуальное, высокоточное оружие, мощная авиационная поддержка, удары с воздуха имеют важное, в ряде случаев решающее значение, но и роль общевойсковых соединений и объединений не теряет своего значения.

Говоря о сущности современной войны и вооруженной борьбы, нельзя не остановиться на информационном аспекте. Эскалации конфликта на Кавказе предшествовала хорошо отрежиссированная информационная кампания в международных СМИ, формирующая общественное мнение об исторической вине России за порождение репрессивных режимов и проведение империалистической агрессивной политики в современных условиях.

Весь ход информационной кампании в ходе грузино-осетинского конфликта свидетельствовал о хорошо спланированной и заранее подготовленной информационной операции. Это подтверждается, в частности, размещением большинства информационных материалов на ведущих мировых информационных ресурсах с позиций США и Грузии.

Активная информационная кампания началась 8 августа в 4.00 размещением на сайтах грузинских информационных

агентств сообщения о штурме Цхинвали. Особенностью данного этапа является мощное информационное воздействие на медиаресурсы Южной Осетии, а также максимальное использование созданных заблаговременно для освещения военных действий информационных центров на территории Грузии, в частности специального медицентра для иностранных журналистов в городе Гори со всем необходимым оборудованием для распространения информации.

Практически с этого же времени перестали функционировать правительственные и информационные сайты Южной Осетии. Грузинскими специалистами был создан специальный сайт (www.osinform.com) с именем, созвучным сайту осетинского информационного агентства (www.osinform.ru), на котором грузинская сторона начала активное распространение дезинформационных материалов.

Южная Осетия не имела возможности реально распространять информацию, западные журналисты на территории республики отсутствовали, а российские журналисты появились в Цхинвали только с вводом войск. На данном этапе грузинская сторона полностью доминировала в предоставлении информации, особенно на западных информресурсах (CNN, BBC и других).

Со второй половины дня 8 августа в прессе стала появляться информация российской стороны об операции по принуждению к миру непосредственно с мест событий. Вместе с тем практически все ведущие западные агентства сообщили о том, что именно Россия совершила агрессию.

Особое внимание было уделено налету авиации ВВС РФ на Гори. Данная информация тиражировалась в СМИ в режиме

Грузинские танки в Южной Осетии

реального времени (все-таки не случайно Грузией там был создан специальный медицентр). На всех видеосервисах стали появляться сюжеты о горящем грузинском городе, в блогах и на фотосервисах зарубежных стран – фотографии результатов якобы «варварской» бомбардировки «мирного грузинского города». Кроме того, на территории Грузии было закрыто вещание всех российских телеканалов и доступ к русскоязычному сегменту Интернета.

Как отмечают аналитики, достаточно грамотно была реализована информационная акция с участием пилотов российских самолетов, сбитых над Грузией, а также налет грузинского спецназа на колонну российской бронетехники.

Участие руководителей Грузии в информационной кампании полностью укладывается в разработанную теоретиками Пентагона концепцию ведения информационной войны. Однако здесь есть некоторая специфичность. Так, почти все публичные выступления записывались на фоне флага Европейского союза. Для массовой аудитории уже заранее подготавливалась позиция, что Европа поддерживает Грузию.

В подобных информационных операциях не бывает случайностей. Так, экспертом Сергеем Гриняевым отмечается значимые сюжета ВВС, показавшего крайне нервное состояние грузинского президента, кусающего свой галстук. Подобный материал обязательно должен быть на случай, если понадобится списать на руководителя Грузии определенные неудачи [6].

О накале информационной борьбы в период конфликта свидетельствует история размещения фотографий агентства «Рейтер», на которых изображались мирные жите-

ли, пережившие бомбежку. В последующем произошел скандал: авторов фотографий обвинили в «постановочных» снимках. В результате фотоматериал «Рейтер» уже не смог быть документальным свидетельством для обвинения России в агрессии.

Российской стороной были обеспечены контроль информационной обстановки и формирование необходимого общественного мнения в поддержку проводимой операции по принуждению к миру. Даже в среде таких одиозных авторов, как Ю. Латынина, наблюдалась в этом отношении весьма противоречивая позиция. Так, в своей статье «Четырехсторонняя агрессия», опубликованной 10 августа в «Новой газете», несмотря на набор традиционных обвинений в адрес властей России в том, что эта «война нужна кремлевским силовикам», она заявляет буквально следующее: «Там, в танках и БТРах 58-й армии, сидят наши солдаты, и в самолетах, которые сбрасывают бомбы на Вазиани, сидят наши летчики. Я могу только пожелать им победы, хотя это и победа над возможным возвратом России к нормальной жизни...» [7].

Тем не менее в ходе информационной кампании в международном сегменте информационного пространства превалировала точка зрения Запада.

Итоги информационной войны, развернувшейся вокруг югоосетинского конфликта, обсуждаются достаточно остро. Немало утверждений и о том, что Россия якобы проиграла на информационном фронте. Однако весьма распространенной является и иная точка зрения [8].

Например, автор статьи «Россия – Грузия: сетевая война» в «Опен Демосгасу» обращает внимание на новое, значимое, с его точки зрения, явление, появившееся в ходе августовских событий, – онлайн-новые стычки, подчеркивая, что «эта информационная война – первый воистину глобальный user-generated конфликт: профессиональные телерепортажи отошли на второй план, а ведущую роль играют блоги и комментарии». Отмечается, что значительная часть российских

Кадр из сюжета, показанного телеканалом ВВС 14 августа 2008 года

пользователей Интернета двинулась «под знамена государства, ведущего пропагандистские войны», а «полем битвы за истину в последней инстанции стали разделы комментариев и форумы New York Times, BBC, CNN, Guardian и им подобных, – а также организованные ими беспорядочные опросы (например, опрос CNN на тему «Считаете ли вы действия России в Грузии оправданными?»). Россияне хлынули на эти сайты, размещая ссылки, фотографии, факты – все то, что может убедить представителей Запада, что они живут в антироссийском медиапузыре, сознательно создаваемом корпоративными западными СМИ, продвигающими политические интересы своих стран...» [9]. Примечателен и вывод автора: «Комментируя реакцию западных СМИ на войну в Южной Осетии, многие российские блоггеры задавались вопросом: почему Кремль ничего не делает в онлайн-пространстве и защищать честь родины приходится отдельным блоггерам? Неужели бюрократы не понимают, что не менее важно завоевать сочувствие со стороны Запада? Возможно, Кремль действовал хитрее: зачем, в конце концов, тратить время на искусственно создаваемые нарративы, лоббистов и манипуляцию традиционными СМИ, когда есть тысячи блоггеров и комментаторов, готовых бесплатно и зачастую гораздо более эффективно продвигать линию Кремля?» [9].

Здесь же следует подчеркнуть, что в российском сегменте Интернета 90 % мнений было в пользу проведения операции по принуждению к миру. Тем не менее, пока общественное мнение по-прежнему создается крупнейшими телеканалами и прессой. Лишь отдельные крупные западные телеканалы и печатные издания разместили информационные материалы с более или менее объективным подходом к ситуации в Южной Осетии.

Необходимо подчеркнуть, что под информационным прикрытием конфликта решаются совершенно иные вопросы: подписывается договор о размещении элементов ПРО с Польшей; резко крити-

куется российская инициатива по довооружению Балтийского флота; усиливается информационная кампания по формированию общественного мнения о России как о якобы потенциальном агрессоре.

Летняя антироссийская кампания в ведущих западных СМИ по ряду характеристик очень напоминала информационную операцию НАТО по сопровождению войны в Югославии. Сходство было не только в отмеченной всеми наблюдателями слаженности продвижения тезиса об «агрессии против Грузии», но и в заблаговременной и обстоятельной «работке» международного общественного мнения.

Конечно, можно заявить, что теперь Грузия признана чуть ли не агрессором даже в конгрессе США в присутствии представителей разведки и Пентагона. Но массовый американский обыватель об этом чаще всего не знает и, очевидно, не узнает, потому что мощная информационно-пропагандистская машина масс-медиа создала совершенно другой образ событий.

Итак, главным содержанием и особенностью конфликта на Кавказе явилось жесткое противостояние в сфере смыслов.

Таким образом, современная война – это:

- широкое использование не прямых, не контактных и других, в том числе нетрадиционных, форм и способов действий;
- применение новейших высокоэффективных систем вооружения и военной техники (высокоточного, высокоинтеллектуального оружия);
- маневренные действия войск и сил на разрозненных направлениях с широким применением мобильных сил и войск специального назначения;
- активное участие в войне иррегулярных вооруженных формирований, широкое использование диверсионных и террористических методов;
- активное информационное противостояние, дезориентация и дезорганизация общественного мнения как в отдельных государствах, так и мирового сообщества в целом. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Циганок, А.Д. Ирак: итоги пяти военных лет / А.Д. Циганок // Вестник аналитики. – 2008. – № 2. – С. 82–93.
2. Хомский, Ноам. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству / Ноам Хомский; перевод с англ. – Илья Харламов. – М.: Столица-принт, 2007.
3. Месснер, Е.Э. Всемирная мятежная война. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2004.
4. Гареев, М.А. Стратегическое сдерживание: проблемы и решения. / М.А. Гареев // Красная звезда. – 2008. – 8–14 октября. – № 183 (25186).
5. Хроленко, А. Боевой дебют профессиональной армии / А. Хроленко // Военно-промышленный курьер. – 2008. – № 36 (252).
6. Гриняев, С. Информационная война на Кавказе, или Как из черного дела белое. Ч. 1–2 / С. Гриняев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Imperiya.by.authors-analitics3-3154.html – Дата доступа: 28.08.2008.
7. Латынина, Ю. Четырехсторонняя агрессия. России на Кавказе нужен мир, силовикам – война / Ю. Латынина // Новая газета. – 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/58/11.html> – Дата доступа: 10.08.2008.
8. Подкопаева, М. Страсти по информационной войне / М. Подкопаева // Завтра. – 2008. – № 40.
9. Evgeny Morozov. Russia/Georgia: War of the Web. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opendemocracy.net/russia/article/russia-georgia-war-of-the-web>.